

Незнакомка
из Уайлдфелл-Холла

Энн
Бронте

Энн Бронте

Незнакомка
из Уайлдфелл-Холла

ISBN серии

ISBN 978-617-12-4211-1

9 786171 242111

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4680-5

9 786171 246805

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ
КЛАССИКИ

ЭНН БРОНТЕ

НЕЗНАКОМКА
ИЗ УАЙЛДФЕЛЛ-ХОЛЛА

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.11
Б88

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского
Ларисы Житковой, Александра Вироховского

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Edmund Blair Leighton, Off, British, 1853—1922

ISBN 978-617-12-4211-1 (серия)
ISBN 978-617-12-4680-5

- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Дж. Холфорду, эсквайру¹

Дорогой Холфорд!

Когда мы виделись в последний раз, ты представил мне весьма подробный и интересный отчет о самых замечательных событиях дней твоей юности, предшествовавших нашему знакомству, и затем потребовал ответного доверия от меня. Но, будучи тогда не в настроении предаваться воспоминаниям, я уклонился под тем предлогом, что рассказывать мне нечего, подкрепив его прочими, столь же невнятными отговорками, сочтенными тобой несущественными, ибо, хотя ты тотчас же безропотно переменял разговор, нетрудно было заметить, что мой отказ глубоко тебя обидел: на лицо твое легло облако, омрачавшее его до конца встречи и, судя по всему, не рассеявшееся и донныне, ибо твои письма с тех пор отличает такая горделиво-меланхоличная холодность и сдержанность, которые были бы простительны, если бы моя совесть убедила меня, что я их заслужил.

И не стыдно тебе, старина, в твоём-то возрасте? При том, что мы так давно и хорошо друг друга знаем, тем более что я представил тебе столько доказательств искренности и доверия и никогда не обижался на твою относительную скрытность и неразговорчивость? Но, вероятно, все дело в них: как человек по натуре необщительный ты, с твоей точки зрения, предъявил в тот памятный день беспрецедентное доказательство дружеского доверия — поклявшись, небось, впредь такого не повторять, — и счел, что я должен был без минутного колебания последовать твоему примеру и ответить на эту величайшую милость той ничтожной каплей откровенности, которую способен из себя выжать.

Но довольно об этом! Я взялся за перо не для того, чтобы тебя упрекать, не для того, чтобы оправдываться или приносить извинения за прошлые обиды, а для того, чтобы, по возможности, их загладить.

---

¹ *Эсквайр* (англ. *esquire*, от лат. *scutarius* — щитоносец) — титул, который в Англии присоединялся к фамилии земельного собственника.

Сегодня с утра льет проливной дождь, семейство мое отправилось в гости, а я сижу один в библиотеке, просматривая кое-какие старые письма и бумаги, тронутые тленом, и размышляю о прошлом, так что теперь мое умонастроение вполне подходит для того, чтобы развлечь тебя одной старосветской историей. И вот, убрав с каминной решетки свои изрядно прожарившиеся ступни, я развернул кресло к столу и, дописав эти строки, обращенные к сварливому старому другу, готов представить набросок — нет, не набросок, а полный и достоверный отчет о неких обстоятельствах, связанных с самым важным событием в моей жизни, по крайней мере, той ее части, что предшествовала знакомству с Джеком Холфордом, а когда ты это прочтешь, — пожалуйста, обвиняй меня в неблагодарности и в недружественной скрытности, если сможешь.

Я знаю и о твоём пристрастии к длинным романам, и о том, что ты, как и моя бабушка, ярый приверженец подробных и обстоятельных описаний, а посему щадить тебя не намерен, ибо меня сможет остановить лишь недостаток терпения или свободного времени.

Среди упомянутых мною бумаг и писем имеется мой старый, выцветший дневник; и пусть его наличие послужит тебе порукой, что я буду опираться не только на память — сколь бы цепкой она ни была, — дабы не подвергать твою доверчивость слишком суровому испытанию, когда ты, следуя за мной по пятам, будешь вникать в мельчайшие подробности моего повествования. Что ж, начнем, не откладывая, с Главы первой, ибо глав в этой истории будет много.

Глава I

ОТКРЫТИЕ

Мы должны с тобой вернуться к событиям осени 1827 года. Отец мой, как ты знаешь, был таким дворянином-землеладельцем и хозяйствовал на ферме в графстве ***шир, так что я, по его настоятельной просьбе, подвизался вслед за ним на этом спокойном поприще, правда, без особой охоты, ибо честолюбие влекло меня к более высоким целям, а самонадеянность убеждала, что, пренебрегая его зовом, я зарываю свой талант в землю¹ и держу свой свет под спудом². Матушка изо всех сил старалась внушить мне, что я способен на великие дела, отец же, полагавший, что честолюбие — вернейший путь к гибели, а перемены суть то же разрушение, и слышать не желал ни о каких планах по улучшению моего положения или положения моих смертных собратьев. Твердил, что все это вздор, и при последнем издыхании заклинал меня следовать старым добрым традициям, то есть идти по его стопам, как прежде сам он шел по стопам своего отца, а высшей целью поставить себе с честью пройти по жизни, не уклоняясь ни направо ни налево, и передать отцовские земли своим детям по меньшей мере такими же процветающими, какими он оставил их мне.

«Что ж, честный и трудолюбивый фермер — один из самых полезных членов общества, и если я посвящу свои таланты возделыванию собственных земель и улучшению сельского хозяйства в целом, то тем самым принесу пользу не только своим ближайшим родственникам и иждивенцам, но в какой-то мере и всему человечеству, а значит, проживу жизнь не зря».

Таковыми вот размышлениями я пытался утешить себя, шагая домой с полей в тот промозглый вечер на исходе октября. Но про-

---

¹ Отсылка к евангельской притче о талантах: «получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего», Матфей 25:18. [Здесь и далее ссылки на цитаты из Библии будут оформлены следующим образом: в кавычках приведен стих полностью, затем после запятой сокращенное название библейской книги, затем номер главы и через двоеточие номер стиха. При точной цитате дается только источник, при неточной цитате или отсылке — полный текст стиха.]

² *Спуд* (устар.) — сосуд или скрытое, потаенное место.

блески яркого пламени камина в окне гостиной гораздо быстрее подняли мне настроение и развеяли мои неблагоприятные сетования, чем все мудрые мысли и благие намерения, формулировать которые я отчаянно понуждал свой мозг; не забывай, тогда я был молод — всего двадцати четырех лет от роду — и не приобрел и половины того умения владеть собой, коим обладаю теперь, сколь бы ничтожно оно ни было.

Однако в этот приют блаженства нельзя было ступить, не сменив заляпанные грязью сапоги на пару чистых башмаков, а грубое верхнее платье на приличный костюм, что я и сделал, дабы предстать перед почтенным обществом в подобающем виде, ибо матушка моя, при всей ее доброте, была в определенных вещах весьма привередлива.

Поднимаясь в свою комнату, я столкнулся на лестнице с бойкой, хорошенькой барышней девятнадцати лет — миниатюрной круглолицей толстушкой со свежим румянцем на щеках, тугими блестящими локонами и озорными карими глазками. Нет нужды пояснять тебе, что это была Роза, моя сестра. Знаю, теперь она солидная матрона, но и в этом качестве, несомненно, остается в твоих глазах не менее привлекательной, чем в тот счастливый день, когда ты увидел ее впервые. Ничто не говорило мне тогда, что несколько лет спустя она станет женой человека, дотоле совершенно мне не известного, но коему суждено было стать мне гораздо более близким другом, чем она сама, и более задушевным, чем тот неотесанный семнадцатилетний верзила, что схватил меня за шиворот в коридоре у лестницы, едва не сбив с ног, и в отместку за эту дерзкую выходку удостоился крепкого тумака по своей дурьей башке, коей, впрочем, это наказание не нанесло серьезного увечья, так как, помимо необычайно толстого черепа, она была защищена густой копной коротких рыжих кудрей, которые матушка именovala золотисто-русыми.

Когда мы вошли в гостиную, почтенная хозяйка дома, по обыкновению, сидела в кресле у камина, ловко орудуя спицами, — она всегда коротала время за вязанием, если у нее не было других дел. К нашему приходу она вычистила камин и разожгла огонь, который теперь польхал ярким пламенем. Прислуга как раз внесла чайный поднос, а Роза достала сахарницу и чайницу из темного дубового буфета, поблескивающего в уютном полумраке гостиной, словно полированное черное дерево.

— А вот и они! — воскликнула матушка и обернулась к нам, не замедляя движения спиц, сверкавших в ее проворных пальцах. — Прикройте дверь и садитесь к огню, пока Роза заваривает чай, — проголодались небось? — а заодно расскажите, как прошел у вас день: я хочу знать, чем живут мои дети.

— Я выезжал серого жеребца — нелегкое это дело, — показывая пахарю, как лущить последнюю стерню на пшеничном поле, сам-то он не додумался, и разрабатывал план продуктивного поверхностного осушения лугов в низине.

— Молодец, сынок, славно потрудился! Ну а ты чем занимался, Фергус?

— Барсука травил.

И тут он принялся обстоятельно излагать подробности этой охотничьей забавы, сопоставляя повадки барсука и собак — каждого на своем месте — и восхищаясь их ловкостью и отвагой. Матушка делала вид, что увлечена рассказом сына, и следила за его оживленной мимикой с материнским обожанием, отнюдь не соразмерным, на мой взгляд, с его объектом.

— Пора бы тебе, Фергус, заняться чем-нибудь другим, — заметил я, улучив момент, когда случайная пауза в повествовании позволила мне вставить слово.

— А что я могу? — ответил он. — Маменька не пускает меня ни на флот, ни в армию, так что мне не остается ничего другого, как докучать вам до тех пор, пока вы не согласитесь на что угодно, лишь бы от меня избавиться.

Родительница наша ласково потрепала его по жестким кудрям. Он заворчал и напустил было на себя важный вид, но тут, повинувшись троекратному приглашению Розы, мы стали рассаживаться за столом.

— Ну, пейте чай, — проговорила она, — а я пока расскажу, как прошел день у меня. Я нанесла визит Уилсонам и тысячу раз пожалела, что ты, Гилберт, не пошел со мной, потому что там была Элиза Миллурд.

— И что с того?

— Да ничего! Я вовсе не о ней хочу рассказать, просто она милое, забавное создание, особенно когда развеселится, и я была бы не прочь назвать ее...

— Тише, тише, дитя мое! Твой братец ни о чем таком не помышляет, — прошептала матушка, погрозив ей пальцем.

— Ну хорошо, — продолжала Роза. — Я собиралась сообщить вам важную новость, которую у них услышала, — извелась вся, дожидаясь, когда вы тут соберетесь. Помните, еще месяц назад прошел слух, что кто-то хочет поселиться в Уайлдфелл-Холле? И что вы думаете? Там и правда кто-то живет уже больше недели, а мы и не знали!

— Невероятно! — воскликнула матушка.

— Бред! — взвизгнул Фергус.

— Живет, живет! Причем одинокая леди...

— Окстись, милая! От дома же ничего не осталось — одни развалины.

— Она привела в порядок две или три комнаты, в них и живет, совсем одна, не считая старухи-прислужницы.

— Вот те на! Еще и прислужница! А я-то надеялся, что она ведьма, — заметил Фергус, разрезая на части толстенный шмат хлеба с маслом.

— Не мели чепухи, Фергус! Но как-то все это странно, не правда ли, маменька?

— Еще бы! Трудно поверить.

— Придется поверить, маменька! Джейн Уилсон видела ее своими глазами. Она ходила туда с матерью, а та, прослышав о том, что в наших краях поселилась некая странная особа, конечно, вся была как на иголках, пока не повидалась с ней и не вытянула из нее все что могла. Зовут ее миссис Грэхем, и она носит траур, простой, не вдовий¹; к тому же она довольно молода — лет двадцати пяти или, может, двадцати шести, — но такая скрытная! Они всеми правдами и неправдами пытались выведать у нее, кто она, откуда и что собой представляет, но ни миссис Уилсон, с ее напористостью и наглыми замашками, ни мисс Уилсон, с ее искусными уловками, не удалось добиться ни одного вразумительного ответа, ни даже вскользь брошенного замечания или случайно оброненной фразы, способных утолить их любопытство или хотя бы пролить слабый луч света на ее прошлое, жизненные обстоятельства и родственные связи. Мало того, приняла она их не слишком любезно и попрощалась куда с большим удовольствием, чем поздоровалась. Но

---

¹ Вдовий траур длился от полугода до года, в этот период женщинам предписывалось носить только черную одежду и черную вуаль при полном отсутствии украшений.

Элиза Миллуорд говорит, что ее папенька намерен в ближайшее время навеститься к миссис Грэхем и дать ей пасторский совет, в котором она, по его мнению, нуждается, поскольку в воскресенье не соизволила появиться в церкви, хотя приехала сюда, как известно, еще в начале прошлой недели. И она, Элиза то бишь, хочет упросить его взять ее с собой, тогда уж она точно найдет к ней подход и хоть что-нибудь да выведает. Ты же знаешь, Гилберт, она всегда своего добьется. Да и нам надо будет как-нибудь ее навестить, хотя бы для приличия, правда, маменька?

— Разумеется, душа моя. Бедняжка! Как ей, должно быть, одиноко.

— Только уж сделайте милость, не откладывайте. И не премините доложить мне потом, сколько сахару она кладет в чай, какие носит чепцы и передники, — все в подробностях, а то уж и не знаю, как жить буду, пока не узнаю, — проговорил Фергус с самым серьезным видом.

Но если он рассчитывал, что его тирада сразит всех наповал как верх остроумия, то потерпел жестокою неудачу, ибо никто не засмеялся. Впрочем, его это не слишком огорчило, потому что, едва он отправил в рот очередной кусок хлеба с маслом и собрался отхлебнуть глоток чая, его разобрал такой безудержный смех от собственной шутки, что ему пришлось выскочить из-за стола, и он, давясь и фыркавая, пулей вылетел в сад, откуда минутой позже донеслись его визгливые всхлипывания, перемежавшиеся мучительным кашлем.

Что до меня, то я был голоден и довольствовался тем, что молча уничтожал поджаренный хлеб с ветчиной и чай, пока матушка с Розой продолжали обсуждать вероятное — или невероятное — прошлое таинственной незнакомки; однако должен признаться, что после неприятности, приключившейся с моим братцем, я раз-другой подносил чашку ко рту и снова ставил на стол, не осмеливаясь пригубить ее содержимое, дабы не уронить достоинство в случае подобного извержения.

На следующий день матушка с Розой поспешили засвидетельствовать свое почтение прекрасной затворнице, но вернулись не более осведомленными, нежели ушли. Однако матушка заявила, что ничуть не жалеет о путешествии в Уайлдфелл-Холл, утешившись тем, что пусть она и ушла несолоно хлебавши, зато кое-что дала — мол, это еще и лучше, — а дала она какой-то полезный совет и надеялась, что не впустую, потому, дескать, что, хотя миссис Грэхем была не слишком разговорчива и держалась довольно заносчиво, в рассудительности ей все-таки не откажешь. Правда, непонятно, где бедняжка прожила всю

свою жизнь, ибо кое в каких вещах она выказала плачевное невежество и даже ничуть этого не устыдилась.

— В каких таких вещах, маменька? — полюбопытствовал я.

— В домашнем хозяйстве, в разных кулинарных тонкостях и во всяких прочих мелочах, которые должна знать каждая хозяйка, пригодятся ей эти знания или нет. Правда, я немного ее просветила на сей счет и дала несколько превосходных рецептов, которые бедняжка вряд ли сможет оценить по достоинству, потому как она попросила меня не утруждаться — дескать, при таком скромном и уединенном образе жизни она никогда ими не воспользуется. «Неважно, дорогая, — ответила я. — Это следует знать каждой приличной женщине. Кроме того, пусть сейчас вы одна, но так будет не всегда: вы ведь уже были замужем и, вероятно — я бы даже сказала, непременно, — снова вступите в брак». — «А вот тут, сударыня, вы заблуждаетесь, — вымолвила она с некоторой запальчивостью. — Этого не будет никогда!» Но я ответила, мол, мне виднее.

— Похоже, какая-то романтическая молодая вдовушка приехала в наши края, дабы в одиночестве скоротать свой век, тайком оплакивая уопшего возлюбленного, — сказал я, — но надолго это не затянется.

— Да, пожалуй, — согласилась Роза. — Она вовсе не выглядит такой уж безутешной, к тому же она необычайно хороша собой, скорее, даже красива. Тебе непременно нужно ее увидеть, Гилберт! Ты найдешь ее красоту совершенной, но вряд ли осмелишься искать сходство между ней и Элизой Миллуорд.

— Ну, знаешь! Я могу представить себе множество лиц, более прекрасных, чем лицо Элизы, хотя и не более очаровательных. И вполне допускаю, что у нее мало оснований претендовать на совершенство, однако, с другой стороны, я убежден, что, будь она более совершенна, это сделало бы ее менее привлекательной.

— Стало быть, ты предпочитаешь ее недостатки совершенствам других?

— Именно! Не при маменьке будь сказано.

— Гилберт, душа моя, не неси околесицу! Я же знаю, что ты не всерьез — об этом и речи быть не может! — проговорила матушка, поднимаясь с кресла, и под видом домашних забот поспешила прочь из гостиной, дабы избежать возражений, готовых сорваться у меня с языка.

Затем Роза облагодетельствовала меня дальнейшими подробностями, касавшимися миссис Грэхем. Ее облик, манеры, платье и даже убранство ее жилища — все предстало передо мной гораздо более четко и ярко, нежели мне было необходимо, а поскольку слушатель я не самый внимательный, то не смог бы повторить этого описания, даже если бы очень захотел.

Субботний день промелькнул незаметно, а в воскресенье все гадали, вняла ли прекрасная незнакомка увещаниям викария¹ и появится ли в церкви. Признаться, я и сам не без любопытства посмотрел на старую фамильную скамью, закрепленную за Уайлдфелл-Холлом: выцветшие алые сиденья были не примяты, обивка давным-давно не обновлялась, а над скамьей угрюмо нависали мрачные гербы с траурной окантовкой из порыжевшей черной материи.

Там я увидел высокую женщину в черном, с манерами и наружностью знатной дамы. Лицо ее было обращено в мою сторону, и что-то в нем заставило меня взглянуть на нее еще раз. Блестящие, черные как смоль волосы, оттенявшие прозрачную бледность лица, были уложены изящными локонами — прическа для того времени необычная, но элегантная и при любых обстоятельствах уместная. Глаз ее я не увидел, так как она склонилась над молитвенником и их скрыли полуопущенные веки с длинными черными ресницами, но все остальное — выразительные, изящно очерченные брови, высокий, умный лоб, идеальный римский нос — было безукоризненным, не считая легкой впалости щек и глаз, а хотя и красивые, но слишком тонкие и слишком плотно сжатые губы говорили, на мой взгляд, об отнюдь не мягком и приветливом нраве, и я сказал себе: «Нет, прекрасная леди! Я бы скорее согласился любоваться вами со стороны, чем жить под одной крышей».

Как раз в тот момент она вдруг подняла голову и наши взгляды встретились; я предпочел не отводить глаз, и она вновь уткнулась в молитвенник, но с едва уловимым, смутным выражением скрытого презрения, которое несказанно меня уязвило.

«Она считает меня дерзким щенком, — подумал я. — Ну уж нет! Очень скоро ей придется переменить свое мнение, если я сочту это необходимым».

---

¹ *Викарий* — приходской священник.

Но тут я вдруг осознал, что подобные мысли весьма неуместны в церкви и мое поведение в данном случае достойно всяческого порицания. Однако прежде чем обратиться к службе, я обвел взглядом церковь, дабы проверить, не наблюдает ли кто за мной, но нет, все те, чьи взгляды не были устремлены в молитвенники, не сводили глаз с незнакомки — и моя добропорядочная матушка, и Роза, и миссис Уилсон с дочерью в их числе. Даже Элиза Миллуорд исподтишка поглядывала на предмет всеобщего любопытства. Затем она посмотрела на меня, жеманно повела глазками и, залившись краской смущения, с напускной серьезностью уткнулась в молитвенник.

И вот я снова переходил границы приличия, однако на сей раз мне дал это понять локоть моего обнаглевшего братца, который весьма ощутимо пихнул меня в бок. Отмщение пришлось отложить: на тот момент я мог выразить свое негодование, лишь наступив ему на ногу, но, когда мы выйдем за ворота церкви, он получит сполна.

Ну а теперь, Холфорд, прежде чем запечатать это письмо, я расскажу тебе об Элизе Миллуорд. Она была младшей дочерью vicar's daughter и к тому же весьма обаятельным юным созданием. Я питал к ней немалую склонность, и она об этом знала, хотя я никогда не переходил к откровенным объяснениям, да и не имел такого намерения, потому как матушке, утверждавшей, что на двадцать миль вокруг не найдется ни одной достойной меня барышни, претила всякая мысль о моей женитьбе на этой простушке, у которой, помимо прочих бесчисленных недостатков, не имелось и двадцати фунтов за душой. У Элизы была изящная, и в то же время пухленькая фигурка, маленькое личико, почти такое же круглое, как у моей сестры, и почти такой же цвет лица, но понежнее — не кровь с молоком, как у той; нос вздернутый, черты в большинстве неправильные — словом, она была скорее очаровательна, нежели красива. Но глаза! Как я могу не упомянуть об этих удивительных глазах, если именно в них и заключалась ее главная привлекательность — внешняя, во всяком случае! По форме они были удлинненные и узкие, с темно-карими, почти черными, радужками, выражение их постоянно менялось, но в нем всегда присутствовало что-то либо сверхъестественно — я чуть было не написал «дьявольски» — порочное, либо необычайно завораживающее, а чаще и то и другое вместе. Голос у нее был мягкий, детский, поступь по-кошачьи легкая и бесшумная, и манерами она больше напоминала

милого игривого котенка, то проказливого и задиристого, то робкого и пугливого, — когда и как ему заблагорассудится.

Ее сестра Мэри была несколькими годами старше, несколькими дюймами выше и более крупного, грубоватого телосложения. Эта простая, тихая, рассудительная девушка терпеливо ухаживала за их матерью на протяжении ее долгой, изнурительной болезни и с тех пор так и продолжала тащить на себе весь дом, выполняя обязанности экономки, домоправительницы и рабочей лошади. Ею безмерно дорожил и во всем на нее полагался отец, ее любили и обожали все кошки, собаки, нищие, дети, но унижали и презирали все остальные.

Сам его преподобие Майкл Миллуорд был грузный, рослый пожилой джентльмен, который ходил в широкополой пасторской шляпе, прикрывавшей его мясистое квадратное лицо, в руке носил толстую трость, а все еще крепкие ноги облачал в короткие, до колен, панталоны и гетры или — по особым случаям — черные шелковые чулки. Человек жестких принципов, стойких предрассудков и неискоренимых привычек, нетерпимый к любому расхождению с его взглядами, он и в поступках исходил из твердого убеждения, что его мнение — единственно верное, тех же, кто с ним не соглашался, он объявлял либо жалкими невеждами, либо упрямыми слепцами.

В детстве меня приучили смотреть на него с чувством благоговейного страха, но в последствии, совсем недавно, я это переборол, ибо, несмотря на проявление отеческой доброты к благовоспитанным детям, он был ярым поборником дисциплины и зачастую строго отчитывал нас за детские проступки и мелкие грешки. Мало того, когда он вызывал наших родителей, мы должны были стоять перед ним столбом и либо читать наизусть катехизис¹, либо рассказывать «Как дорожит любым деньком малюточка пчела» или еще какой-нибудь религиозный стих, а самое страшное — отвечать на вопросы по содержанию и основным положениям его последней проповеди, чего мы никогда не могли запомнить. Иногда сей достойный джентльмен отчитывал мою мать за то, что она проявляет излишнюю снисходительность к своим сыновьям, ссылаясь на старца Илия² или Давида с Авессало-

¹ *Катехизис* — краткое изложение христианского вероучения.

² *Старец Илий* — библейский ветхозаветный персонаж, понесший строгое наказание за слабый надзор за поведением своих сыновей.

мом¹, чем особенно выводил ее из себя, и сколь ни высоко ценила она и его самого, и все его изречения, однажды я услышал, как она в сердцах воскликнула: «Силы небесные! Как бы я хотела, чтобы у него был хотя бы один сын! Тогда бы он не лез к другим со своими советами — понял бы, что значит иметь двух сорванцов и держать их в узде».

Он с похвальным рвением заботился о своем телесном здоровье: рано вставал, рано ложился, регулярно совершал прогулки перед завтраком, тщательно следил, чтобы одежда была сухая и теплая, никогда не приступал к проповеди, не проглотив заблаговременно сырое яйцо — даром что обладал отменными легкими и мощным голосом, — как правило, был чрезвычайно привередлив в еде и питье, хотя воздержанностью отнюдь не страдал и придерживался весьма специфической диеты. Будучи ярким противником чая и прочей «бурды», он благоволил к солодовым напиткам², яичнице с грудинкой, ветчине, говядине и другой тяжелой пище, которая прекрасно усваивалась его пищеварительными органами, а значит, по его убеждению, была полезна и питательна для всех. Поэтому он ничтоже сумняшеся рекомендовал ее в доверительной беседе и тем, кто еще не оправился после тяжелой болезни, и тем, кто страдал несварением желудка, а если кому-то из них его предписания не приносили обещанной пользы, им говорилось, что они не проявили должного упорства; если же они жаловались на неприятные последствия, то он уверял, что все это выдумки.

Коснусь еще двух других, уже упомянутых мною, особ и засим закончу это длинное письмо. Я имею в виду миссис Уилсон и ее дочь. Первая, вдова зажиточного фермера, была женщиной недалекой и слыла заправской сплетницей — ее характер не заслуживает описания. У нее было два сына: Роберт, мужиковатый сельский фермер, и Ричард, тихий, застенчивый юноша, прилежно изучавший с помощью викария древние языки, готовясь к поступлению в университет, с тем чтобы потом принять духовный сан.

Их сестра Джейн была юной леди незаурядных способностей и еще большего честолюбия. По собственному почину она поступила в пан-

---

¹ *Давид* — царь Израиля, из рода которого произошел Иисус Христос. Давид также был наказан за свою чрезмерно снисходительную любовь к сыну *Авессалому*.

² К солодовым напиткам относятся прежде всего пиво и солодовый виски.

сион и получила там приличное образование, которого до нее не имел ни один из членов семьи. Девушка прекрасно поддавалась шлифовке, и это не прошло даром: она приобрела заметное изящество манер, полностью избавилась от провинциального говора и могла похвалиться гораздо большими достижениями, нежели дочери викария. К тому же ее считали красавицей, однако меня к сонму своих поклонников она причислить не могла. Ей было около двадцати шести лет, высокая, стройная, с изящной головкой на длинной шее; волосы блестящие, но не каштановые или русые, а самые что ни на есть огненно-рыжие; цвет лица удивительно свежий, сияющий; подбородок точеный, но очень маленький; губы тонкие, алые; глаза светло-карие, живые и пронизательные, но без всякого намека на чувство или поэтичность во взгляде. На ее руку и сердце претендовали — или могли претендовать — толпы поклонников, но все они были выходцами из того же сословия, что и она, а посему с презрением отвергались или получали отказ: только благородный джентльмен мог угодить ее утонченному вкусу и только благородный джентльмен со средствами мог удовлетворить ее неумному честолюбию. И такой джентльмен объявился, стал оказывать ей весьма красноречивые знаки внимания, и кое-кто пошушукивал, что мисс Уилсон имеет серьезные виды на его сердце, имя и состояние. Этим джентльменом был мистер Лоренс, молодой сквайр¹, чья семья ранее занимала Уайлдфелл-Холл, но лет пятнадцать назад они покинули его и поселились в более удобном современном особняке в соседнем приходе².

Ну все, Холфорд, на сегодня я с тобой прощаюсь. Это первый взнос в счет уплаты моего долга. Если такая монета тебе подойдет, дай мне знать, и я буду, по мере возможности, посылать тебе остальные. Если же ты предпочтешь остаться моим кредитором и не набивать свой кошелек такой несуразной, тяжелой мелочью, все равно дай знать, и я, извинив твой дурной вкус, охотно оставляю это сокровище себе.

Неизменно твой
Гилберт Маркхем.

---

¹ *Сквайр* — сокращенная форма титула эсквайр.

² *Церковный приход* — низшая административная единица церкви; коллектив верующих, являющихся прихожанами одного храма и проживающих на исторически сложившихся территориях в городе или деревне.

Глава II

ВСТРЕЧА

С какой радостью, друг мой бесценный, я сознаю, что облако обиды сошло с твоего чела и свет лица твоего благословляет меня вновь!¹ Ты ждешь продолжения моей повести, а стало быть, получишь его без проволочек.

Кажется, я остановился на воскресенье, последнем в октябре 1827 года. А во вторник я с ружьем и собакой отправился на поиски той дичи, которая встречается на территории Линден-Кара². Так ничего и не найдя, я вознамерился обратить свое оружие против ястребов и воронья, чей опустошительный налет, по моим подозрениям, лишил меня добычи. С этой целью я покинул не раз исхоженные места — лесистые долины, нивы и луга — и продолжил путь, взбираясь по крутому склону Уайлдфелла, самого высокого и дикого холма в наших краях. Чем выше я поднимался, тем более скудной и чахлой становилась растительность. Придорожные кусты в конце концов сменились оградой из грубого камня, позеленевшей от мха и увитой плющом; из деревьев остались лишь лиственницы, шотландские пихты да отдельные кусты терновника. Поля, будучи неровными и каменистыми, а потому непригодными для земледелия, служили главным образом для выпаса овец и скота. Слой тощей почвы был очень тонок: тут и там из травянистых кочек проглядывали верхушки серых камней; под стенами росли черника и вереск — останки первозданной девственности, а во многих огороженных местах над скудным травяным покровом главенствовали амброзия и ситник. Но это были не мои владения.

У вершины холма, почти в двух милях³ от Линден-Кара, стоял Уайлдфелл-Холл — старомодный каменный особняк елизаветинской эпохи⁴, внушительный и живописный на вид, но, без сомнения, холод-

---

¹ Отсылка к псалму «Яви светлое лице Твое рабу Твоему; спаси меня милостью Твоею», Псалтырь 30:17.

² *Линден-Кар* — местность на северо-восточном побережье Англии.

³ *Миля* (от лат. *mille* — тысяча) — английская мера длины, равна 1609 метрам.

⁴ *Елизаветинская эпоха* — время правления английской королевы Елизаветы I с 1558 по 1603 гг..

ный и темный, учитывая толстые каменные средники окон с маленькими решетчатыми рамами, потравленные временем отдушины, а также слишком уединенное и незащищенное расположение. Он был заслонен от враждебных ветров и непогоды лишь щитом из нескольких шотландских пихт, которые и сами были наполовину изранены в битвах с ураганами и выглядели столь же суровыми и угрюмыми, как и дом. Позади него раскинулись заброшенные поля, за которыми бурела поросшая вереском верхушка холма, а перед ним (обнесенный каменной стеной с чугунными воротами меж столбов, увенчанных огромными шарами из серого гранита, — такие же украшали крышу и фронтоны) раскинулся сад, в былые времена засаженный зимостойкими растениями и цветами, не слишком требовательными к почве и климату, а также деревьями и кустарниками, способными стойко переносить жестокие пытки, которым подвергали их ножницы садовника, и послушно принимать те формы, какие диктовала тому его фантазия. Теперь же, столько лет остававшийся без присмотра, без стрижек и без ухода, брошенный на откуп сорнякам и травам, ветрам и морозам, ливням и засухам, он являл собой зрелище и впрямь исключительное. Сплошная живая изгородь из бирючины¹, тянувшаяся вдоль главной аллеи, на две трети погибла, оставшаяся же часть переросла все разумные пределы; старый самшитовый² лебедь, примостившийся у скребка для очистки подошв, утратил шею и половину туловища; выстриженные из лавра башенки в центре сада, огромный воин, стоявший на страже по одну сторону ворот, и лев, охранявший другую, выпустили многочисленные побеги, превратившие их в фантастических чудовищ, подобных которым не встретишь ни на небе, ни на земле, ни в воде ниже земли³. Моему юношескому воображению они представлялись пришельцами из мира гоблинов⁴, прекрасно сочетавшимися с легендами о призраках и мрачными преданиями, которые рассказывала наша старая няня касательно дома с привидениями и его почивших обитателей.

---

¹ *Бирючина* — вечнозеленый кустарник.

² *Самшит* — вечнозеленый кустарник или маленькое дерево с густой кроной.

³ Отсылка к библейскому стиху «Не делай себе кумира», Исход 20:4.

⁴ *Гоблины* — в западноевропейской мифологии уродливые человекоподобные существа.

По пути к Уайлдфелл-Холлу мне удалось подстрелить одного ястреба и двух ворон, но потом я потерял интерес к истреблению хищников и решил прогуляться до особняка и посмотреть, какие изменения были произведены в нем новой обитательницей. Подходить прямо к воротам и пялиться сквозь них я не захотел, поэтому остался у садовой ограды, откуда открывался хороший обзор. Ничего нового я не увидел, разве что в одном крыле, над которым из трубы вилась тоненькая струйка дыма, были застеклены окна и подправлена обветшалая крыша.

Когда я, опершись на ружье, стоял там, погруженный в праздную задумчивость, и, глядя на темные слуховые окна, предавался своемувольным фантазиям, в чью ткань почти на равных вплетались и старые привязанности, и прекрасная молодая отшельница, обитавшая теперь в этих стенах, до меня донесся легкий шорох и какое-то поскребывание. Оглянувшись на звук, я увидел, как из-за ограды показалась маленькая ладошка и, нащупав опору, ухватилась за край стены, вслед за ней появилась вторая, потом высунулся беленький лобик с венчиком русых волос, пара васильковых глазенок и часть крохотного беленького носика.

Меня глазенки не заметили, зато весело заискрились при виде красавца Санчо, моего черно-белого сеттера, который кружил по полю, пригнув морду к земле. Нежное создание подтянулось повыше, высунув личико, и громко окликнуло собаку. Добродушная псина замерла, подняла морду и завиляла хвостом. Малыш (а это явно был мальчик лет пяти) вскарабкался на стену и еще несколько раз позвал собаку, но, поняв, что его старания напрасны, решил, очевидно, по примеру Магомета, пойти к горе, раз гора не идет к нему, и стал перелезть на другую сторону, но одичавшая старая вишня, которая росла рядом, вцепилась в его платье одной из своих корявых, сучковатых лап, раскинутых по стене. Малышка попытался высвободиться, однако нога соскользнула с опоры и он сорвался со стены, но до земли не долетел — дерево удержало его на весу. Последовала молчаливая борьба, потом раздался пронзительный крик, но я уже бросил ружье и через мгновение подхватил маленького смельчака на руки.

Я утер ему слезы краешком платья, заверив, что он цел и невредим, а чтобы окончательно его успокоить, подозвал Санчо. Как раз когда малыш обнял пса за шею и заулыбался сквозь слезы, позади меня глухо звякнула калитка, послышалось шурышание женских юбок

и — о, чудо! — ко мне стрелой подлетела миссис Грэхем, с неприкрытой шеей и развевающимися на ветру черными локонами.

— Отдайте мне ребенка! — проговорила она почти шепотом, но с какой-то отчаянной горячностью и, схватив мальчика, вырвала его у меня из рук, словно мое прикосновение могло его осквернить, и осталась стоять, одной рукой крепко сжав ладошку сына, а другую положила ему на плечо. При этом она не сводила с меня огромных темных глаз, бледная, задыхаясь и дрожа от волнения.

— Сударыня, я не сделал ребенку ничего дурного, — сказал я, сам не зная, что чувствовал больше: удивление или обиду. — Он сорвался со стены и повис вниз головой вон на той вишне — благо, я успел его поймать и предотвратить невесть какое несчастье.

— Прошу прощения, сударь, — пробормотала она, внезапно успокоившись, будто свет разума озарил ее помраченную душу, и легкий румянец загорелся на ее щеках. — Я не знала, кто вы, и подумала...

Умолкнув, миссис Грэхем поцеловала ребенка и нежно обвила рукой его шею.

— Полагаю, вы подумали, что я хотел похитить вашего сына?

Смущенно засмеявшись, она погладила мальчика по голове и ответила:

— Мне и в голову не могло прийти, что он осмелится залезть на стену. Я ведь имею удовольствие говорить с мистером Маркхемом, не так ли? — добавила она вдруг.

Я поклонился, но рискнул полюбопытствовать, как она догадалась.

— На днях сюда заходила ваша сестра с миссис Маркхем.

— Мы так похожи? — спросил я, несколько удивленный, но отнюдь не польщенный этой мыслью.

— Есть вроде бы что-то общее в глазах, в выражении лица, — ответила она, с сомнением разглядывая меня. — Кроме того, я, кажется, видела вас в церкви.

Я улыбнулся. То ли что-то в самой улыбке, то ли в воспоминаниях, которые она пробудила у моей собеседницы, явно пришлось ей не по вкусу: она вдруг снова приняла тот гордый, надменный вид, который еще в церкви необъяснимо всколыхнул во мне природную греховность, и этот вид холодного презрения, принятый ею с необычайной легкостью, не исказив ни единой черты ее лица, казался его естествен-

ным выражением и был для меня вдвойне оскорбительным, ибо я не мог заподозрить ее в притворстве.

— Прощайте, мистер Маркхем, — вымолвила она и, не удостоив меня больше ни слова, ни взгляда, удалилась вместе с ребенком в сад; я же отправился восвояси, исполненный злости и разочарования. Едва ли я смогу объяснить тебе, откуда они взялись, а посему не буду и пытаться.

Задержался я лишь для того, чтобы забрать ружье и рог для пороха, а еще дать кое-какие наставления одному работнику с фермы, после чего зашагал к дому викария, дабы немного развеяться в обществе Элизы Миллуорд и усмирить разбушевавшиеся чувства.

Как обычно, я застал ее за вышиванием (увлечение берлинской шерстью¹ еще не было распространено), а ее сестра с кошкой на коленях сидела в уголке у камина и штопала чулки, сваленные возле нее в кучу.

— Мэри! Мэри! Убери это с глаз долой! — тараторила Элиза, когда я вошел в гостиную.

— Ну вот еще! — последовал невозмутимый ответ, но мое появление прекратило перепалку.

— Ах, мистер Маркхем, как вам не повезло! — заметила младшая сестрица, кокетливо поведя глазками. — Папенька только что вышел по церковно-приходским делам, и, вероятно, его не будет больше часа.

— Не беда, я охотно проведу несколько минут в обществе его дочерей, если они мне позволят, — сказал я и, придвинув стул к огню, уселся, не дожидаясь приглашения.

— Ну что ж, если вы будете хорошо себя вести и сумеете нас развлечь, мы возражать не станем.

— О нет, умоляю, обойдемся без условий! Я ведь пришел не доставлять удовольствие, а искать его, — был мой ответ.

И все же я счел разумным немного поусердствовать, дабы сделать свое общество приятным, и, очевидно, ни одно мое усилие, даже самое малое, не прошло даром, ибо я еще никогда не видел мисс Элизу в таком прекрасном расположении духа. Похоже, мы получали обоюдное удовольствие друг от друга и ухитрялись вести оживленный,

---

¹ *Берлинская шерсть* (берлинское шитье) — вышивка шерстью по канве или холсту.

веселый, хотя и не очень глубокомысленный разговор. Это был почти тет-а-тет¹, потому что мисс Миллуорд если и раскрывала рот, то лишь изредка: поправить какое-нибудь необдуманное суждение или чересчур напыщенную фразу младшей сестры, а один раз попросила ее достать клубок, закатившийся под стол. Однако сделал это я, как того требует долг.

— Благодарю вас, мистер Маркхем, — сказала она, когда я передал ей клубок. — Я бы и сама достала, да вот не хотелось кошку беспокоить.

— Мэри, дорогая, это не оправдывает тебя в глазах мистера Маркхема, — заметила Элиза. — Смею заверить, он, как и любой джентльмен, на дух не переносит кошек равно, как и старых дев, не правда ли, мистер Маркхем?

— Полагаю, нет ничего удивительного в том, что наш отнюдь не прекрасный пол недолюбливает этих созданий, — ответил я, — потому что вы, дамы, расточаете им слишком много ласки.

— Да как же иначе, если они такие милые! — воскликнула Элиза и в порыве нежности осыпала любимицу сестры градом поцелуев.

— Нечего тут! — буркнула старшая мисс Миллуорд, раздраженно оттолкнув ее.

Однако пора было и честь знать — я и так уже опаздывал к чаю, а матушка у нас была душой порядка и пунктуальности.

Моя прелестная подруга явно не хотела со мной расставаться. На прощание я нежно пожал ей руку и она вознаградила меня одной из сладчайших своих улыбок и одним из наиобворожительнейших взглядов. Домой я ушел очень счастливый, предельно довольный собой, с переполненным любовью к Элизе сердцем.

Глава III

СПОР

Два дня спустя миссис Грэхем наведальась в Линден-Кар, вопреки ожиданиям Розы, которая придерживалась мысли, что таинственная обительница Уайлдфелл-Холла ни во что не ставит принятые в све-

---

¹ *Tem-a-mem* (фр. *tête à tête* — буквально: голова к голове) — наедине.

те правила хорошего тона. Мнение моей сестрицы разделяли и Уилсоны, свидетельствуя, что ни им, ни Миллуордам ответного визита пока не последовало. Однако теперь причина такой оплошности была объяснена, хотя Розу это не вполне удовлетворило. Миссис Грэхем привела с собой сына, а на удивление матушки по поводу того, что малютке пришлось пешком преодолеть такое расстояние, ответила:

— Да, для него это утомительная прогулка, но я должна была либо взять его с собой, либо вовсе отказаться от визита к вам — я ведь никогда не оставляю его одного. Мне бы хотелось попросить вас, миссис Маркхем, передать мои извинения Миллуордам и миссис Уилсон, когда вы с ними увидите, потому что, боюсь, я не смогу доставить себе удовольствие побывать у них, пока Артур не будет в состоянии меня сопровождать.

— Но у вас же есть прислуга, — сказала Роза, — почему бы вам не оставить его с ней?

— У нее много других забот, и, кроме того, она слишком стара, чтобы уследить за ребенком, а он мальчик подвижный, ему не усидеть возле пожилой женщины.

— Но вы же оставляли его, когда ходили в церковь.

— Да, один раз такое случилось, но я бы ни за что не оставила его ради чего-то другого, и в дальнейшем, думаю, мне придется как-то исхитриться брать его с собой, или же самой сидеть дома.

— Он что, такой озорник? — спросила матушка, едва сдерживая возмущение.

— Нет, — ответила миссис Грэхем, с грустной улыбкой перебирая русые кудряшки на голове сына, сидевшего на скамеечке возле ее ног. — Просто он мое единственное сокровище, а я его единственный друг, поэтому мы не любим расставаться.

— Помилуйте, дорогая, но это же полное безумие! — заявила моя прямодушная родительница. — Надо стараться пресекать все эти глупые нежности, дабы уберечь сына от гибели, а себя от насмешек.

— От гибели, миссис Маркхем?!

— Именно! Чрезмерная любовь портит ребенка. Даже в таком возрасте ему не следует постоянно держаться за маменькину юбку. Он должен стыдиться этого.

— Миссис Маркхем, прошу вас впредь не говорить подобных вещей, по крайней мере, в его присутствии. Надеюсь, мой сын

никогда не будет стыдиться любви к своей матери! — вымолвила миссис Грэхем с величавой твердостью, ошеломившей всех присутствующих.

Матушка попыталась было успокоить гостью какими-то увещеваниями, но та, видимо, сочла, что на эту тему сказано достаточно, и резко перевела разговор в другое русло.

«Ая был прав, — подумалось мне. — Характер у этой леди и впрямь не сахар, что никак не сообразуется с ее милым, бледным личиком и высоким лбом, на котором, кажется, в равной мере оставили свой отпечаток страдания и думы».

Все это время я сидел за столом в противоположном углу гостиной, делая вид, что погружен в чтение «Журнала для фермеров», который я как раз просматривал, когда вошла наша гостья. Не утруждая себя излишней учтивостью, я ограничился легким поклоном и вновь углубился в чтение.

Вскоре, однако, меня отвлекли чьи-то легкие, но робкие шажки, неуверенно приближавшиеся ко мне. Это был Артур, которого неудержимо влекло к лежавшему у моих ног Санчо. Подняв глаза от журнала, я увидел, что мальчик замер в двух шагах от меня, замороженно глядя на собаку, но не страх перед животным приковал малыша к месту, а застенчивое нежелание приближаться к его хозяину. Легкого ободрения было достаточно, чтобы он решился подойти. Стеснительный парнишка, но не бука. В следующее мгновение он уже сидел на ковре, обнимая пса за шею, а еще через пару минут, взобравшись ко мне на колени, с живейшим интересом изучал разные породы лошадей, коров и свиней, изображенных на картинках в моем журнале, и зарисовки образцовых фермерских хозяйств. Время от времени я поглядывал на его матушку, любопытствуя, как ей нравится эта внезапно возникшая близость, и по ее беспокойному взгляду понял, что она испытывает неловкость за сына.

— Артур, поди сюда! — позвала она наконец. — Ты мешаешь мистеру Маркхему — он хочет читать.

— Вовсе нет, миссис Грэхем, прошу вас, позвольте ему остаться. Мне и самому интересно, — вступился я за своего маленького друга.

И все же она молча, жестом и взглядом, велела ему подойти.

— Нет, маменька, — возразил малыш. — Давай я сначала досмотрю картинки, а потом подойду и все тебе расскажу.

— В понедельник, пятого ноября¹, мы собираемся устроить маленькую пирушку, — сказала моя матушка, — и я надеюсь, миссис Грэхем, вы не откажетесь к нам присоединиться. Берите с собой сынишку — уверяю вас, мы найдем, чем его занять. А вы сможете лично принести свои извинения Миллуордам и Уилсонам — я жду их всех.

— Благодарю вас, но я не хожу на пирушки.

— Да нет же, это будет скромный домашний праздник, почти в семейном кругу. Соберемся засветло, кроме нас должны быть только Миллуорды и Уилсоны — многих из них вы уже знаете — да еще мистер Лоренс, домовладелец, у которого вы снимаете, вам непременно надо с ним познакомиться.

— Я с ним немного знакома; на сей раз вы должны меня извинить: вечера теперь темные, сырые, а я не хочу рисковать здоровьем Артура — он еще слишком мал, чтобы вечерние прогулки проходили для него безболезненно. Подождем, пока дни станут длиннее, а ночи теплее, и тогда уж вволю насладимся вашим гостеприимством.

Роза, по молчаливому указанию матушки, уже достала из дубового буфета графин с вином, рюмки и кекс и, улучив момент, подала угощение гостям. Кекса они отведали, от вина же наотрез отказались, несмотря на все старания радушной хозяйки их попотчевать. Артур при виде рубинового нектара весь как-то съежился и чуть не заплакал от ужаса и отвращения, когда его стали уговаривать сделать глоток².

— Не бойся, Артур, — сказала его маменька, — миссис Маркхем не собирается тебя заставлять, просто она считает, что тебе было бы полезно выпить вина, так как ты устал с дороги. Но, смею заверить,

---

¹ 5 ноября 1605 года английскими католиками была совершена попытка взрыва здания Парламента и покушения на жизнь короля Иакова I. Так называемый «Пороховой заговор» был раскрыт, а его зачинщики во главе с Гаем Фоксом казнены. Вскоре парламент принял закон, предписывающий отмечать 5 ноября как «радостный День благодарения за спасение». Праздник стал известен как «Ночь Гая Фокса» (Guy Fawkes Night) или «Ночь фейерверков» (Bonfire Night). В этот день было принято приглашать гостей на праздничный ужин, запускать петарды и фейерверки, жечь костры. (*Примеч. автора*)

² В описываемое время не существовало запрета на употребление алкоголя детьми. Вино (часто разбавленное водой) давали детям не только для восстановления сил при усталости или во время болезни, но и как повседневный напиток.

ты и без него прекрасно обойдешься. Он даже вида вина не переносит, — добавила она, — а от запаха его и вовсе тошнит. Раньше, когда он болел, я давала ему глотнуть либо вина, либо разбавленного джина¹ в качестве лекарства, то есть фактически сделала все возможное, чтобы внушить ему отвращение к этим напиткам.

Все засмеялись, кроме молодой вдовы и ее сына.

— Ох, миссис Грэхем, — проговорила матушка, утирая слезы, выступившие от смеха на ее ясных голубых глазах, — ну, вы меня и удивили! Право же, я считала вас благоразумнее. Бедное дитя вырастет совершеннейшей тряпкой! Только подумайте, как вы сможете воспитать его настоящим мужчиной, если будете упорствовать...

— А по-моему, замысел превосходный, — перебила миссис Грэхем с неколебимым спокойствием. — Тем самым я надеюсь убережь его, по крайней мере, от одного губительного порока. И буду рада, если сумею сделать столь же неприятными для него и все остальные.

— Но так вы никогда не сделаете его добродетельным, — вступил я. — В чем состоит добродетель, миссис Грэхем? В способности и желании не поддаваться искушению или в отсутствии искушений, которым надо противостоять? Кого считать сильным человеком: того, кто, преодолевая жуткие препятствия, совершает удивительные дела ценой огромных мускульных усилий и последующей усталости, или того, кто просиживает целый день в кресле, не утруждая себя занятиями более серьезными, нежели поворошить угли в камине и поднести ложку ко рту? Если вы хотите, чтобы ваш сын с честью прошел по жизни, вам следует не убирать камни с его пути, а научить его уверенно ступать по ним, и не водить его за руку, а дать ему привыкнуть обходиться без вас.

— Я буду водить его за руку до тех пор, мистер Маркхем, пока он не наберется сил, чтобы обходиться без меня. Я уберу с его пути столько камней, сколько смогу, и научу избегать остальных или, как вы говорите, уверенно ступать по ним, ибо, сколько бы камней я ни убрала, их все равно останется достаточно для того, чтобы он смог проявить ловкость, выносливость и осторожность, которые разовьются у него с годами. Да, все это прекрасно — рассуждать о доблестной стойкости, об испытаниях добродетели, но покажите мне хотя бы одного мужчину из пятидесяти, ну, или из пятисот, поддавшихся ис-

---

¹ Джин — английский крепкий спиртной напиток.

кушению, который обладал добродетелью и устоял. И почему я должна принять как должное, что мой сын будет этим единственным из тысячи, вместо того, чтобы подготовиться к худшему, предположив, что он может стать таким же, как его... как все остальные, если я не позабочусь о том, чтобы этого не допустить?

— Лестного же вы мнения обо всех нас, — заметил я.

— Вас я совсем не знаю, а говорю о тех, кого знаю хорошо; и если я вижу, как все представители мужского племени, за редким исключением, спотыкаются и оступаются на жизненной стезе, попадают в каждую западню, ломают ноги о каждое препятствие, лежащее у них на пути, то неужели я не использую все доступные средства, чтобы сделать путь своего сына более гладким и безопасным?

— Да, но самое верное средство — это постараться закалить его, сделать неуязвимым для искушений, а не убирать их с его пути.

— Я буду делать и то и другое, мистер Маркхем. Видит Бог, на его долю еще хватит искушений, которые будут подстерегать его, после того как я сделаю все возможное, чтобы порок стал для него столь же непривлекательным, сколь он омерзителен по сути своей. Разумеется, у меня и у самой бывали побуждения к тому, что свет называет пороком, однако я прошла через искушения и испытания иного рода, и зачастую, чтобы им противостоять, требовалось гораздо больше бдительности и твердости, нежели я могла в себе найти. И в том же, я уверена, может признаться большинство из тех, кто привык думать и кто желает побороть в себе пагубные наклонности.

— Но вы не должны судить о мальчике по себе, — вступила моя матушка, не поняв и половины из сказанного. — Позвольте, дорогая моя миссис Грэхем, своевременно предостеречь вас от ошибки, роковой ошибки, я бы сказала, которую вы совершите, взяв на себя воспитание и образование сына. Вы умны, прекрасно образованы и поэтому можете думать, что такая задача вам по плечу, но на самом деле это не так. Поверьте, если вы будете упорствовать в своей затее, то горько раскаетесь, когда ничего уже нельзя будет исправить.

— Выходит, я должна отдать его в школу, чтобы он научился презирать авторитет своей матери и ее любовь! — воскликнула молодая леди с довольно горькой улыбкой.

— О нет, напротив! Если мать хочет внушить сыну презрение к себе, пусть она держит его взаперти и всю свою жизнь тратит на

то, чтобы баловать его и раболепно потакать всем его прихотям и капризам.

— Совершенно с вами согласна, миссис Маркхем, но, смею заметить, ничто так сильно не расходится с моими принципами и поступками, как та преступная слабость, о которой вы говорите.

— Да, но вы же будете обращаться с ним, как с девочкой, значит, сломите его дух, превратите его в настоящую «мисс Нэнси»¹, точно вам говорю, что бы вы там ни думали. Но я попрошу мистера Миллуорда побеседовать с вами об этом, и он расскажет о последствиях, разложит все по полочкам, посоветует, как себя вести, ну, и все такое прочее. Не сомневаюсь, он убедит вас в два счета.

— Нет никакого повода беспокоить викария, — сказала миссис Грэхем, глядя на меня, — должно быть, я улыбался безмерному доверию, с которым моя матушка относилась к этому достойному джентльмену. — Мистер Маркхем тут полагает, что в способности убеждать он по меньшей мере не уступает мистеру Миллуорду. Скажет еще, пожалуй, что если б я его не послушала, то и если бы кто и из мертвых воскрес, не поверила бы. Вот вы, мистер Маркхем, настаиваете на том, что мальчика надо не оберегать от зла, а посылать на борьбу с ним одного, без посторонней помощи, не учить его обходить ловушки, которые расставляет жизнь, а смело бросаться в них или перепрыгивать через них — как получится, искать опасности, а не избегать ее, и подкармливать свою добродетель искушениями, тогда почему бы вам...

— Прошу прощения, миссис Грэхем, но вы забегаете вперед. Я еще не говорил, что мальчика нужно учить бросаться в ловушки жизни или умышленно искать искушений, дабы упражнять свою добродетель путем их преодоления. Я лишь сказал, что лучше вооружить и укрепить вашего героя, нежели обезоружить и ослабить зло: ведь если вы захотите вырастить дубок в теплице, ухаживая за ним денно и ночью и оберегая его от каждого дуновения ветра, то не следует ожидать, что деревце будет таким же крепким, как дуб, выросший на горном склоне, открытый буйству стихий и не защищенный даже от ударов молний.

— Пусть так, но стали бы вы приводить те же доводы в отношении девочки?

---

¹ *Мисс Нэнси* — разговорное обозначение изнеженного или женоподобного мужчины.

— Нет, конечно.

— Ну да, вы бы холили и лелеяли ее, как тепличное растение, учили бы цепляться за других, дабы иметь в них опору и поддержку, и, по мере возможности, ограждали бы ее от самого понятия зла. Но не будете ли вы любезны объяснить мне, почему вы делаете это различие? Или вы считаете, что девочка в принципе лишена добродетели?

— Вовсе нет!

— Да, но вы убеждены, что добродетель выявляется только через искушение, и при этом настаиваете, что женщину никоим образом нельзя ни подвергать искушению, ни давать ей представление о пороке и обо всем, что с ним связано. То есть, по-вашему, женщина настолько порочна и слабоумна по своей природе, что не способна устоять перед искушением и может быть чиста и невинна, пока ее держат в неведении и строгости, но, будучи от природы лишенной истинной добродетели, она тут же станет на путь греха, как только ей о нем расскажут. И чем больше будет ее осведомленность, чем неограниченной свобода, тем глубже пустит корни ее порочность, тогда как благородному полу свойственна природная склонность к добродетели, которая защищена нечеловеческой силой духа и которая, чем больше подвергается угрозам и испытаниям, тем больше...

— Упаси меня бог от подобных мыслей! — перебил я ее.

— В таком случае вы, должно быть, полагаете, что оба пола одинаково слабы и склонны к прегрешениям, то есть малейший промах, ничтожнейшая тень разврата может погубить одного, но укрепить и украсить характер другого, чье образование прекрасно завершится коротким практическим знакомством с запретными вещами. Такой опыт, прибегая к банальному сравнению, будет для него как ураган для дуба, который, хотя, может, и сорвет с него листья, обломает мелкие ветви, но тем самым лишь укрепит корни, упрочит и напитает древесные волокна. Вы хотите, чтобы мы подталкивали наших сыновей к познанию всего на их собственном опыте, тогда как нашим дочерям возбраняется учиться даже на чужом. Так вот я бы хотела, чтобы и те и другие, извлекая пользу из чужого опыта и наставлений старших, заранее научились отвергать зло и выбирать добро и чтобы им не требовалось познавать зло прегрешения путем проб и ошибок. Я бы не выпустила бедную девочку в мир безоружной против враждебных сил и не ведающей о ловушках, подстерегающих ее на жизненном пути, но и не стала

бы так уж оберегать ее и защищать, чтобы, лишившись самоуважения и уверенности в собственных силах, она утратила и способность, и желание саму себя беречь и защищать. А что до моего сына... если бы я узнала, что, повзрослев, он станет так называемым светским человеком — человеком, «повидавшим жизнь» и познавшим ее прелести на собственном опыте, пусть даже это пошло бы ему на пользу и в конце концов он остепенился бы и стал полезным и уважаемым членом общества, я бы скорее предпочла, чтобы он умер завтра! Тысячу раз предпочла бы! — повторила она с жаром, крепко прижимая сына к себе и с чрезмерной нежностью осыпая его лоб поцелуями.

Мальчик давно уже покинул своего четвероного друга и стоял возле матери, заглядывая ей в лицо и в молчаливом изумлении слушая ее непонятные речи.

— Что ж, вы, дамы, всегда предпочитаете, чтобы последнее слово оставалось за вами, — сказал я, увидев, что она встает из-за стола, намереваясь попрощаться с матушкой.

— Можете оставить за собой сколько угодно слов, только у меня уже нет времени их выслушать.

— Да, вот это в вашем духе: выслушать ровно столько доводов, сколько сочтете нужным, а остальные пусть летят на ветер.

— Если вам не терпится высказать еще какие-то мысли на эту тему, — ответила она, пожимая руку Розе, — вы должны в один прекрасный день наведаться ко мне вместе с вашей сестрой, и я терпеливо выслушаю все, что вам будет угодно сказать. Я бы скорее предпочла выслушивать нотации от вас, нежели от викария, ибо вам я могла бы, не мучаясь угрызениями совести, ответить в конце беседы, что мое мнение осталось в точности таким же, каким было в начале, — а так оно и будет, я убеждена, в обоих случаях.

— Ну конечно, — ответил я с твердым намерением быть таким же колким, как она, — ведь когда леди не желает принять какой-либо довод против ее точки зрения, она заранее готова от него отгородиться, выслушав его только телесными ушами, оставив умственные органы закрытыми для самых сильных доказательств.

— Всего доброго, мистер Маркхем, — сказала моя прекрасная соперница, изобразив на лице сочувственную улыбку, и, не соизволив ответить на мой выпад, чуть наклонила голову и уже хотела удалиться, но тут мальчик остановил ее, воскликнув с детским прямотушием:

— Маменька, но ты ведь не пожала руку мистеру Маркхему!

Она со смехом обернулась и протянула мне руку. Пожал я ее довольно злобно, потому как был раздосадован несправедливостью, которую она допускает по отношению ко мне с первой минуты нашего знакомства. Не имея ни малейшего представления ни о моем характере, ни о моих принципах, она, по-видимому, изначально была расположена против меня и, похоже, собиралась дать мне понять, что ее мнение обо мне по всем пунктам гораздо ниже моего собственного. Разумеется, меня это задело, иначе я бы так не мучился. Возможно, я и вправду малость испорчен матушкой с сестрицей и кое-кем из моих знакомых дам, но хлыщом и фатом я отродясь не был, в чем твердо убежден, что бы ты ни думал.

Глава IV ДОМАШНИЙ ПРАЗДНИК

Наш вечер пятого ноября прошел прекрасно, несмотря на отказ миссис Грэхем украсить его своим присутствием. Хотя при ней между нами, пожалуй, не было бы такой душевности, мы не вели бы себя так раскованно и не позволяли бы себе столько шалостей, как без нее.

Матушка, по обыкновению, была весела и говорлива, ее деловитость и добродушие били через край, правда, она явно переусердствовала в желании угодить гостям, понуждая их делать то, от чего отвращалась душа их: кого — есть и пить, кого — сидеть лицом к яркому огню, кого — говорить, когда хотелось молчать. Тем не менее, они выдержали эти испытания с честью, поскольку настроение у всех было праздничное.

Мистер Миллуорд не имел себе равных по части важных догматов, нравоучительных шуток, выпренных историй и пророческих суждений, которые он расточал в назидание всему собранию в целом и каждому из наиболее внимательных слушателей в отдельности: благоговейщей миссис Маркхем, учтивому мистеру Лоренсу, степенной Мэри Миллуорд, кроткому Ричарду и приземленному Роберту Уилсонам.

Миссис Уилсон блистала как никогда, изобилуя свежими новостями и подтухшими сплетнями, перемежая их банальными вопросами, замечаниями и словами-паразитами, которые вставляла, очевидно,

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Открытие	7
Глава II. Встреча	18
Глава III. Спор	23
Глава IV. Домашний праздник	32
Глава V. В мастерской	41
Глава VI. Развитие событий	45
Глава VII. Экскурсия	53
Глава VIII. Подарок	63
Глава IX. Змея подкодная	69
Глава X. Уговор и ссора	80
Глава XI. И опять мистер Миллуорд	85
Глава XII. Тет-а-тет и неожиданное открытие	90
Глава XIII. Возвращение к обязанностям	100
Глава XIV. Нападение	104
Глава XV. Встреча и ее последствия	110
Глава XVI. Премудрости жизненного опыта	118
Глава XVII. Очерedные наставления	131
Глава XVIII. Миниатюра	139
Глава XIX. Происшествие	151
Глава XX. Упорство	158
Глава XXI. Чужие мнения	166
Глава XXII. Превратности дружбы	171
Глава XXIII. Первые недели супружества	185
Глава XXIV. Первая размолвка	191
Глава XXV. Первая разлука	199
Глава XXVI. Гости	211
Глава XXVII. Мелкий проступок	213
Глава XXVIII. Родительские чувства	219
Глава XXIX. Сосед	222
Глава XXX. Домашние сцены	228

Глава XXXI. Светские добродетели	238
Глава XXXII. Сравнения	250
Глава XXXIII. Два вечера	262
Глава XXXIV. Тайное убежище	275
Глава XXXV. Подстрекательство	280
Глава XXXVI. Одиночество вдвоем	285
Глава XXXVII. Надоедливый сосед	290
Глава XXXVIII. Раненый	300
Глава XXXIX. План побега	308
Глава XL. Катастрофа	321
Глава XLI. «Надежда в нашем сердце, как звезда»	325
Глава XLII. Исправление	332
Глава XLIII. Граница перейдена	336
Глава XLIV. Побег	342
Глава XLV. Примирение	349
Глава XLVI. Дружеские советы	362
Глава XLVII. Поразительное известие	368
Глава XLVIII. Дальнейшие известия	381
Глава XLIX. «И пошел дождь»	386
Глава L. Сомнения и разочарования	396
Глава LI. Нежданный случай	404
Глава LII. Колебания	412
Глава LIII. Заключение	417

Літературно-художнє видання
Серія «Шедеври світової класики»

БРОНТЕ Енн
Незнайомка з Вайлдфелл-Холла
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Н. Ю. Олянішина*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Пилипенко*

Підписано до друку 15.05.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 22,68. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Шедевры мировой классики»

БРОНТЕ Энн
Незнакомка из Уайлдфелл-Холла

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Н. Ю. Олянішина*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. Е. Пилипенко*

Подписано в печать 15.05.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 22,68. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com